

красоты, – стала ломать руки и рвать свои дивные волосы, украшенные жемчугами и драгоценными камнями. Затем, испустив глубокий вздох, она воскликнула:

– Бедная я, несчастная! Для чего безжалостная судьба так долго сохраняет мне жизнь? Не затем ли, чтобы подвергнуть всем мыслимым мучениям? Почему, глаза мои, вы столь враждебны мне, что взираете на смерть того, чья жизнь была моим высшим наслаждением? О, лучше бы мне родиться слепой, чем терпеть от вас эту обиду! А вам, мой дорогой друг, дорогой д'Алегр, цвет французского рыцарства, разве пристало – если и вправду ваша любовь ко мне была так велика – лишать меня последнего утешения? Я надеялась, что умру на вашей нежной груди; что мои глаза закроет ваша ласковая рука! Почему же вы похитили назначавшееся мне благо? Почему, жестокий, вы избрали себе легкую участь, а меня оставили страдать? О, сколь злым был рок, из вражды к вашей редкой добродетели приведший вас в эту страну, неблагодарные жители которой приняли вас совсем не так, как требовали ваши достоинства! А еще более несчастным был день вашего знакомства со мной, за которое вы слишком дорого заплатили. И все же природа вас вознаградила, в силу особой привилегии даровав возможность умереть тогда, когда вы этого пожелали. О несправедливая смерть, являющая мне здесь доказательство своей свирепости, почему ты не захотела мне помочь? Неужели для того, чтобы сделать меня виновницей горестной трагедии и обесславить мое имя в потомстве, которое вечно будет оплакивать этот несравненный цветок, увянувший из-за любви ко мне и сожженный жаром моего бедствия? О, я была бы стократ счастлива, если бы могла спасти его ценой моей гибели, как добросердая царица Фессалии,⁴⁹⁹ которая выкупила своего дорогого Адмета, передав свою жизнь ему в наследство! Но судьба отказывает мне в этом благе и, желая окончательного моего уничтожения, более не ждет: недолго осталось мне быть рабой этого упрямого несчастья, ибо, чувствую я, близится моя кончина, открывающая мне восхитительный сад, где среди блаженных меня ждет мой д'Алегр, еще усталый и тяжело дышащий после ристания, в котором он меня опередил.

Кто видел голубя летом, когда он погружается в прохладный ключ, а затем плывет по воздуху на веслах крыльев, суша свои сверкающие перья в горячих лучах солнца, тот может представить себе очи несчастной Кларинды, которые то источали горькие слезы, то осушались пламенными воздыханиями, свидетельствуя со всей ясностью, что страдания, подобно злобным гончим, рвут ее на части, – пока яд, побеждая сопротивление природы, не начал разрушать прекрасное тело принцессы, возжигая в ее нежном сердце огонь, пылавший сильнее, чем негаснувшее горнило сицилийской горы.⁵⁰⁰

Ее голос (укрошавший своей нежностью любого строптивца) становился все глуше и глуше. Подобные небесным звездам очи, которые восхищали людей, озаряя их сердца тихим светом, заволакивала смертная пелена. Нежные ланиты, где неизменно цвели розы, чело, где созидил свой рай Амур, уста, коими возглашал он свои оракулы, – все это поблекло и цветом стало неотлично от ее белоснежной шеи. И тело, которое еще недавно слыло сокровищницей красоты и храмом грации, простерлось, сокрушенное и сломленное суровой смертью. Так цветок, попавший под слишком жаркие солнечные лучи, поникает головой и увядает на своем стебле.

Увидев это, преданная камеристка, которая, будучи поверенной принцессы, обычно принимала участие в ее встречах с д'Алегром, а после того как случилась беда, тщетно старалась выводить госпожу, закричала как безумная, учинив смятение не только во дворце, но во всем городе, и так уже растревоженном смертью Адилона. И это весьма удивило маркизу, заставшую по возвращении из Кремоны, куда она ездила отдать распоряжения о каких-то делах, всеобщий переполох. Она поспешила к себе домой, но когда вошла туда, то, лишившись чувств, пала на руки свиты, ибо увидела, что ее обожаемая дочь (сокровище, прославившее их род на всю Италию) лежит мертвая у подножия кровати, слив уста в поцелуе с бездыханным рыцарем.

Когда же маркиза пришла в себя и узнала от камеристки и Люцидана всю историю жизни и смерти двух влюбленных, ей не оставалось ничего иного, как оплакать это горестное событие, наполнив замок рыданиями и стонами. И, понимая, что помочь им нечем и что единственное, в чем нуждается их бедная плоть – это последняя постель, где ждет ее вечный покой, она велела похоронить их в склепе маркиза, куда и проводил влюбленных весь город, свидетельствующий (и

⁴⁹⁹ Речь идет об Алкестиде, жене Адмета (греч. миф.).

⁵⁰⁰ Имеется в виду вулкан Этна.